

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

A man with a beard and a woman with long blonde hair are the central figures. The man is in the foreground, wearing a light blue shirt, looking intensely at the viewer. The woman is behind him, wearing a white lace dress, looking slightly away. The background is a dimly lit library with bookshelves.

Агруска ОЛИГАРХА

Екатерина Ромеро

Игрушка олигарха

«Автор»

2024

Ромеро Е.

Игрушка олигарха / Е. Ромеро — «Автор», 2024

Судьба меня не баловала, но даже в страшном сне я не могла себе представить, что попаду в руки жестокого олигарха. Он закрыт, циничен и неприлично богат. Для него нет запретов и ограничений, человеческая жизнь для него не стоит ни гроша. Олигарх покажет мне взрослый мир без прикрас, а я пойму, что такое быть живой игрушкой для хозяина. От автора: Девственница. 90-е. Большая разница в возрасте. Властный циничный герой. Провокационно и жестоко. На момент отношений героиня совершеннолетняя.

© Ромеро Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Екатерина Ромеро

Игрушка олигарха

Глава 1

Замедляю дыхание, сильно зажмуриваю глаза. Мне кажется, если не смотреть, то страшно не будет. Дверь нашей комнаты со скрипом открывается, тяжелым шагом в нее входит Лидия Ивановна, наша воспитательница, а точнее, надзирательница. Я узнаю ее по кривой утиной походке и приторным дорогим духам, которыми она так любит обливаться.

Сердце заходится беспокойным стуком, леденеют пальцы на руках. К этому нельзя привыкнуть, хоть у меня уже должен выработаться иммунитет, все равно страшно.

Не выдерживаю и чуть приоткрываю глаза, до боли сжимая холодную простыню пальцами под старым прохудившимся одеялом. На улице ноябрь, в детдоме холодно так, что аж скулы сводит, в коридоре вчера вода замерзла для цветов.

Нас пятеро в комнате, но ни одна из девочек не спит. Мы все делаем вид, что спим, ведь так проще, никаких истерик и слез. Варя уже показала нам, что бывает в таком случае. Проводить по трое суток без еды и воды никому не хочется.

Я не верю в бога, так бы уже молилась, а поскольку не знаю ни одной молитвы толком, просто прошу беззвучно, не зная даже кого. Кого-то там, наверху, который обычно помогает, который мог бы занести надо мной стеклянный купол от цепких рук Лидии Ивановны. Еще год, и я свободна. Еще год, сохрани меня, умоляю, убереги.

До скрипа сжимаю эту простыню, стараясь не дрожать так сильно под одеялом, и задерживаю дыхание, когда Лидия Ивановна останавливается прямо напротив меня. Не дышу, не двигаюсь, проще было бы просто умереть, пусть пройдет дальше, я не готова, я просто... не могу.

“Выбери не меня, не меня, не меня...”

Сглатываю, стараясь унять дрожь. Я знаю, зачем она здесь. Лидия Ивановна выбирает девочек. Одну или две в месяц, иногда чаще. Эти девочки уходят среди ночи, а возвращаются под утро или через день. В их карманах обычно много шоколадных конфет, иногда какие-то безделушки, заколки, резинки, сережки, но в глазах их после этого всегда адская пустота и слезы.

Воспитатели говорят, что этим девочкам стало плохо, и они уходят к врачу, хотя мы все знаем, что ни к какому врачу никто не попадает.

Нас пользуют, нас покупают, как скот, как товар, богатые мужчины на ночь, и мы не знаем, кто станет следующей “бабочкой”. Кого следующей будут “гладить” богатые мужчины, хоть это тоже называется совсем не так.

Я видела глаза Влады перед тем, как она ушла в туалет. Накануне ее не было двое суток, а когда она пришла, вывернула карманы и высыпала оттуда конфеты. Шоколадные, такие в красивых цветных обертках, дорогие. Через час Владу нашли в туалете с порезанными венами. Воспитательницы сказали, что у нее была депрессия на фоне низкой успеваемости и она была неуравновешенной, хотя никто не вспоминал о том, что Влада была отличницей и была спокойной как танк всегда.

– Ксюшенька. Вставай. Нужно к доктору.

Я распахиваю глаза, когда мне на плечо ложится тяжелая рука Лидии Ивановны.

– Я хочу спать. Пожалуйста.

Смотрю в блеклые, практически бесцветные глаза Лидии Ивановны, слыша, как дрожит собственный голос. Это не страх, это нечто дикое, сковывающее легкие и не дающее нормально вдохнуть.

– Тебе плохо. Нужно к доктору.

Голос Лидии Ивановны мягкий и елейный, и мы обе знаем, что ее лучше не злить. Металлическая указка в кабинете воспитателей не просто так стоит в углу.

– Вставай, милая. Пора.

Она старается говорить негромко, но я кожей чувствую, что никто из девочек не спит, но никто не заступится за меня. Ни одна из нас не хочет оказаться на месте выбранной “бабочки” на ночь.

Некоторые девочки уже по три, по четыре раза так уходили, а я ни разу, и у меня язык не поворачивался расспрашивать в деталях, что с ними делали. Никто об этом не рассказывает, они просто возвращались другими, словно повзрослевшими, и больше никогда не смотрели на мир невинными глазами ребенка.

Мое одеяло откидывается тяжелой рукой воспитательницы, и под ее присмотром я быстро набрасываю одежду. Тоненький свитер под горло и штаны, натягиваю кроссовки.

Мы выходим вместе, идем по ночному длинному коридору. Свет не включается, хоть я и ориентируюсь тут прекрасно. Знаю каждый угол и кирпич, каждую трещину в старой плитке. Я здесь с трех лет, это мой дом. Старенький, но все же дом.

Лидия Ивановна набрасывает мне на плечи какую-то куртку и поправляет мои русые волосы. Я слышу звук подъехавшей машины у крыльца.

– Я никуда не пойду. Я не готова. Не буду...

Мотаю головой, делая шаг назад. От страха меня начинает трусить. Слова сбиваются, пальцы дрожат.

– Девочка, ты уже взрослая. Ты же хочешь получить жилье от государства, как сирота. Хочешь ведь, не так ли? Я помогу.

Бесцветные глаза воспитательницы успокаивающе смотрят на меня, но действуют скорее наоборот.

– Пожалуйста. Можно я пойду спать? Я никому не скажу. Честно.

– Конечно, не скажешь. Ты же не хочешь, чтобы с тобой случилось то, что случилось с Владой? Ксюша, ты умная девочка. Ты вернешься сюда утром. Иди.

Лидия Ивановна берет меня за шиворот куртки и тяжелой рукой подталкивает вперед. Ноги деревенеют, и я едва выхожу из детдома. Предо мной стоит черная тонированная машина. Очень дорогая иномарка на вид, я ни разу в таких не ездила. Из машины выходит мужчина и открывает мне дверь.

Как для принцессы, думается мне, однако быстро срезаю эту идиотскую мысль. Где я и где принцессы. Смешно.

Бежать особо некуда, этот водитель не внушает доверия, и я вцепляюсь в ручку двери. До места доезжаем в гробовой тишине. Мысленно себя корю. Надо было все же выяснить у девочек, как и что тут происходит. Я хоть была бы готова, а так... просто стараюсь быть спокойной.

Я сбегу, если что. Точно и наверняка. Пожалуй, единственный навык, который у меня не забылся с глубокого детства, – это лазить по форточкам. Я могу забраться даже в самое маленькое окно, благо комплектация и гибкость позволяют. Все будет путем, выскочу, если что, убегу, если только почувствую опасность.

Машина останавливается у большого загородного дома, похожего на какой-то палац из фильмов. Высокие кованые ворота с острыми пиками и закрученными стеблями из металла усеяны шипами. Да уж, местечко. Бр-р...

– Выходи. Дверь открыта. Зайдешь и поднимешься на второй этаж.

– А можно... можно мне назад в детдом? Я вам заплачу за проезд. Честно.

Вру, у меня нет ни рубля в кармане, но попытаться стоит. Дядька-то вроде адекватный, ехал как робот, даже не посмотрел на меня.

– Нет. Иди.

Стискиваю зубы, вылезая из машины. Ворота и правда открыты. Неужто ждут меня?

Вхожу в этот замок, иначе не назовешь, дверь тяжелая, металлическая, едва отпираю ее, а после стараюсь быстро подобрать свою челюсть с пола, потому что я вижу это: хрустальную огромную люстру с подвесками в виде капелек, высокие потолки под шесть метров, белоснежный каменный пол, вазы, какие-то золотые штуки на стенах. Это похоже... на музей.

Предательски урчит голодный желудок, и я быстро сглатываю. Я не ужинала. Таська заболела. Я поделилась своей порцией. Мы делимся, не жадничаем. Я знаю, что, когда я заболею, она сделает для меня то же самое.

Поднимаюсь на второй этаж. Ступенек тридцать, не меньше. Красный ковер, кованные перила с золотом. Комнат тут несметное количество, но в одной из них открыта дверь.

Вытерев нос, медленно подхожу туда, осторожно заглядываю внутрь, все же жилка любопытства берет верх. В комнате темно, плотно зашторены окна, не видно практически ничего, я даже своих рук почти не вижу. Ужас. Не люблю темноту. “Темную” в детдоме мне не раз устраивали. Мало приятного, честно.

– Входи, – в мертвенной тишине раздается очень низкий мужской голос, и я аж подпрыгиваю на месте. Вглядевшись в темноту этой комнаты, я замечаю высокий мужской силуэт. Он стоит у окна, сложив руки в карманы брюк.

Глава 2

– Раздевайся. Иди в душ.

Его голос такой бархатный, низкий, пробирающий до костей, и я невольно сильнее кутаюсь в куртку. Она тоже не моя, моя порвалась, потому Лидия Ивановна дала чью-то чужую. Мне не впервой чужие вещи носить, я не особо привередливая. Главное, чтобы было тепло, а то ноги все время мерзнут да пальцы на руках как льдинки.

Мы стоим в темноте, я даже не вижу толком, кто передо мной, и эта неизвестность до чертиков пугает. Почему он в темноте? Урод, что ли, какой или кто-то известный? Политик, бизнесмен, депутат... Кто там еще обычно с деньгами под завязку?

– Ты меня не услышала? За что тебе платят?!

Сглатываю от пронзительного недовольного мужского голоса, стараясь выглядеть спокойно, однако как раз этого спокойствия мне дико хватает.

– Мне никто не платит за это.

Я слышу его дыхание. Незнакомец стоит в трех шагах от меня. Кажется, что очень высокий, судя по тени в костюме. Непроизвольно улавливаю его парфюм. Никогда такого запаха не слышала. Мне кажется он каким-то необычным и очень цепким, холодным, манящим, недоступным, мужским.

По спине бегут мурашки, невольно поджимаю пальчики на ногах, когда этот высокий мужчина подходит ко мне. Близко, слишком близко, чтобы я уловила его запах сильнее и сделала глубокий вдох.

Интересно, он часто подростков себе на ночь заказывает? Поиграть, поразвлекаться с девочками из детдома, которые даже слова против не смогут сказать взрослому мужчине? Ненавижу, как же я их всех ненавижу.

– Гм... хорошая игра, плохая актриса. Что за тряпки на тебе? – Касается моей куртки, и я вздрагиваю, не ожидая, что все будет так... быстро. – Снять!

Это вовсе не просьба. Тон приказной, громкий, командный, вот только мои руки не слушаются меня. Так и стою перед ним. Не могу пошевелиться. Почему-то именно сейчас слезы подкатывают к глазам.

Я не дуручка. Я прекрасно знаю, зачем я здесь, вот только я не так себе первый раз с мужчиной представляла. Даже близко не так. У меня и поцелуя-то еще не было, у меня еще не было ничего. Романтика? Я не знаю, что это. Хотела бы узнать. Хотела бы по любви это сделать, а не так. Когда тебя в аренду взяли на ночь или две.

Поиграть, попробовать, попользоваться. А потом вернуть, конечно, вот только что-то я не видела радости в глазах девочек, которые возвращались после таких ночных свиданий. Там были боль, разочарование, обида, омерзение. И никакие конфеты этого не покрывали и близко.

– Ты пьяная?

– Нет... – лепечу, голос дрожит. Сглатываю, стараясь унять дрожь в теле. Нельзя показывать страх. Наверное. Вот только я не настолько актриса, чтобы играть тут роль. Мне так страшно, что чувствую, как меня слегка начинает пошатывать перед ним. Только бы не лупил меня. Некоторые девочки возвращались с синяками на шее и лице, следами от веревки на руках. Боже.

– Чего вы хотите?

Наступаю на свой страх, неизвестность и эта темнота не сулят мне ничего хорошего.

– Я хочу, чтобы ты сняла с себя все и встала раком.

– Зачем?

Глупый, дурацкий вопрос, но волнение не дает прикусить язык.

– Трахать буду. Что не ясно?

Вот тут уже я не выдерживаю. Слезы градом катятся из глаз. Страшно и обидно так, что я невольно всхлипывать начинаю, а затем и икать. Прямо перед ним в этой темноте. Плачу как дура, но остановиться не могу.

– Не надо... Пожалуйста, не надо! Не надо меня... Я п... по любви хочу. По любви...

Щелчок, и глаза ослепляет яркий свет. Люстра и еще несколько светильников загораются мягким белым.

Я открываю глаза и напротив вижу мужчину. Высокий, плечистый, в черном костюме и белой, распахнутой на груди рубашке. Короткие темно-русые волосы с серебристым отливом, глаза тоже темные, кажется, синие. Холодные, пронизывающие, как грозовое небо.

Незнакомец делает шаг ко мне и, больно схватив меня за лицо, поворачивает его на свету. От этого прикосновения начинаю дрожать сильнее. Вот тебе, Ксюха, никогда мужиков не боялась, а тут как пробрало. До костей, до мяса.

Его ручища большая, грубая. Пальцы – длинные, цепкие – больно сдавливают мой подбородок, высоко задрав голову.

– Кто. Ты. Такая? – цедит сквозь зубы, рычит своим бархатным голосом.

– К... Ксюша. Зайцева Ксения.

Мои слезы стекают его на ладонь, но, кажется, этому мужику плевать. Он сканирует меня синими глазами, смотрит так... безразлично. Да, именно безразлично. Как на мусор или что-то вроде того.

– Сколько тебе лет, звереныш?

Это прозвище меня обижает, но сейчас я так напугана, что огрызаться просто не могу.

– Шест... Семнадцать уже. Позавчера исполнилось.

Его хватка ослабляется, и мужчина меня резко отпускает. Я же делаю пару шагов назад, косясь на дверь. Сердце уже стучит где-то в горле, когда я рассматриваю этого мужика вблизи и при свете.

Очень высокий, крепкий, подтянутый, не урод точно, но и не смазливый красавчик с обложки. Сколько ему лет... тридцать, нет, больше. Тридцать с чем-то, наверное. Взрослый мужик, конечно, намного старше меня, но не старик. У него широкие плечи, ровная осанка и лицо... такое, как у миллионера. Я их никогда в глаза не видела, но мне кажется, выглядят они именно так. Прямой аристократический нос, строгие чуткие губы, цепкие синие глаза очень необычного насыщенного цвета, обрамленные длинными завидными ресницами.

Он одет с иголочки, костюм наглаженный, туфли черные сверкают, рубашка белоснежная, тогда как на мне обноски. Я бы не комплексовала, в детдоме мы все равны, но именно здесь чувствую себя неловко и машинально запахиваю куртку на груди. Смотрю на него во все глаза и взгляд оторвать не могу.

Он словно холеный и такой... как лед. Кажется, из него исходит холод, который я так не люблю. Бр-р...

– А вас как зовут?

– Владлен, – коротко. Все еще пристально рассматривает меня, как диковинное животное, и мне от его взгляда становится не по себе. Аж холодно даже.

«Влад-лен», – мысленно повторяю про себя. Никогда такого имени не слышала. Оно мне кажется каким-то вычурным и недостижимым. Он словно владеет. И имеет.

– Владлен, пожалуйста... не надо меня. Это...

Он чуть склоняет голову набок. Прищуривается, смотрит на меня сверху вниз. На его правой руке замечаю блестящие часы с широким ремешком. Очень красивые. С серебром и золотинкой, большим циферблатом. Я таких никогда не видела.

– Что “это”?

– Не надо меня трахать, – говорю тихо, голос дрожит. Смотрю на этого богача, прекрасно понимая, что шансы мои мизерные.

– Ты себя в зеркале видела, чучело? Моя гладильная доска и то будет сексуальней. Отойди!

Обидно и даже больно. Я знаю, что у меня нет выдающихся форм, однако на мне сейчас старый растянутый свитер и куртка совсем не по размеру. Что он там увидел, чтобы такие заключения выдавать?!

Хотя, с другой стороны, так даже лучше. Пусть думает, что я уродина, вот только я не успеваю выдать и слова, как Владлен быстро обходит меня, больше даже не замечая.

Из коридора слышу его голос обрывками:

– Ты кого притащил мне, безмозглый?! Нет, не Жанну, малолетку привезли! Чучело какое-то грязное и бесхозное! Она небось еще и блохастая! Сейчас же быстро ее забрали! Заменить! От Виталины! Жду!

Владлен врывается в комнату, и я едва успеваю отшатнуться, чтобы не быть сбитой с ног. Услышанное ранит, я невольно осматриваю себя... чучело. Он меня чучелом назвал!

Богач со злостью снимает с себя пиджак и сбрасывает часы на комод рядом со мной. Ослабляет галстук и выглядит просто разъяренным.

– На выход.

– Я... я не...

Набираю побольше воздуха. Этот олигарх прибабахнутый, иначе его не назвать, вообще попутал, видно.

– Что ты там лепечешь?

– Я не чучело и я не блохастая! Если вы не видите, наденьте-ка очки!

Сжимаю руки в кулаки. В груди так горячо становится, особенно когда замечаю его презрительную усмешку на чутких капризных губах.

– Хочешь раздеться и доказать мне обратное? А может, хочешь, чтобы я тебя выебал?

Владлен тянется большой рукой к моей куртке, и я шарахаюсь, ловя самодовольную усмешку олигарха.

– Не надо... не надо, пожалуйста...

– Рот закрыла, пока я другим способом его тебе не заткнул. На выход, я сказал!

Его голос пробирает до самых косточек, я делаю шаг к двери, но застываю на месте. Этот не оказался педофилом, даже не смотрит на меня, но если я вернусь быстро... Лидия Ивановна поймет.

– Ты обкуренная? Я сказал вон!

– У вас не найдется конфет? – спрашиваю прямо. Мне кажется это веским доказательством, что ночь прошла “успешно”. Девочки всегда приходят с конфетами и полными слез глазами. Слезы уже есть, конфет только не хватает.

– Каких конфет?

– Шоколадных. Или любых других! Вафли там, может. Пожалуйста, если я так быстро уйду с пустыми руками, то...

– То что?

– Они отдадут меня другому мужику.

– Кто “они”?

– Я в детдоме живу. Наши воспитательницы.

– Мне есть до этого дело?

– Ну... вы же не тронули меня.

Владлен подходит ближе, и я машинально пячусь назад, вжимаясь в стену. Ой, зря я это, ой, зря... Хочется раствориться, лишь бы он так не смотрел на меня, как айсберг, своими глазами строгими, синими, как тучи грозные.

– Мне плевать на тебя и твою грязную ободраную шкуру. Если ты промышляешь проституцией без сутенера, это твои проблемы, – говорит, смотря прямо на меня, а после разворачивается и идет к окну, раздраженно проводит руками по густым темно-русые волосам.

Мне же от досады хочется под землю провалиться. Лидия Ивановна меня точно отдаст другому мужику, от которого этот олигарх мог бы меня защитить, дав хоть одну карамельку! Этого бы хватило. Я бы показала, что “отработала” эту ночь, а теперь... к черту.

– Чтобы блохи завелись у вас! Вы тоже далеко не красавец!

Резко развернувшись, я выбегаю из этого замка, не забыв прихватить с собой блестящие часики олигарха, которые ловко надеваю себе на руку.

Глава 3

Я боялась возвращаться в детдом с пустыми руками. Боялась так, что аж зубы стучали, и дело не только в проливном дожде, под который я попала, тащась пешком туда, откуда меня привезли.

Добираюсь до детдома, когда уже сереет на улице. От холода пальцы трясутся и почти не сгибаются. Уже пошли первые заморозки, и я прошу у кого-то выше сил, чтобы не захиреть.

Болезнь страшно, потому что лекарств в детдоме мало и врач приезжает далеко не всегда. Я не отличаюсь крепким здоровьем, знаю, что за мной никто ухаживать не станет. Таська, может, или Оля подадут чая, но они сами хилые, особенно Таська.

Я еще ничего по сравнению с ней, она же совсем комнатная роза. Только пять лет здесь, такая домашняя, Таська так плакала, когда сюда попала. Ее родители разбились на машине, тетка отказалась и закинула ее в детдом.

Таська тогда так плакала у меня на коленях. Я перебирала ее длинные завидные локоны. Так мы подружились. Я, Оля и Таська. Влада тоже была хорошей девочкой и тоже хотела жить. – Чертовая дуря!

Мое лицо запрокидывается от хлесткой пощечины Лидии Ивановны. Я стою в ее кабинете, до нитки мокрая и дрожащая. Даже без моих слов она как-то узнала, что никто меня не... хм.

– Почему не дала?! Что там случилось? Павел Николаевич звонил, он просто в ярости!

– Там не было Павла Николаевича.

Тихо, но не опуская головы. Еще чего, кланяться перед этой уткой. Нет уж, извольте.

– Не ври мне, сука малолетняя!

Мы одни в кабинете, который изнутри закрыт на ключ. Никто мне не поможет, я должна сама себя защищать, как умею, вот только силенки наши и близко не равны. Лидия Ивановна будет раза в четыре меня тяжелее, и сейчас она хватает меня за волосы и трясет как грушу.

Больно, аж искры из глаз сыпятся, и мое овечкино послушание ломается. К черту, хоть я и знаю, какие будут последствия.

– Сама ты сука! Не трогай меня! Пусти! – огрызаюсь, толкаю ее в плечо и снова получаю хлесткую пощечину. Сильнее на этот раз, отчего в глазах рябит и в ушах шумит, но я не падаю. Еще чего. Хрен я сдамся.

– Дрянь! Неблагодарная мелкая дрянь! Паршивка ободранная! Ксюша, я же для вас стараюсь! Может, вас кто подберет, прикормит, возьмет под крыло! Девочки, вы же сироты, вы никому в этом мире не нужны, неужели вы не понимаете?!

Быстро вытираю слезы, не хочу, чтоб видела. Задираю подбородок выше. Знаю, это очень бесит утку. Непослушание и упрямство мгновенно выводит ее из себя.

– Вы нас продаете, как товар! Сдаете посуточно в аренду богатым мужикам! Мы не товар! Мы еще дети!

Лидия Ивановна нервно поправляет свою высоко закрученную гульку и фыркает, как выдра. Ее выпученные глазенки жирно меня осматривают. С рукава моей куртки капает ледяная дождевая вода на пол.

– Дети... а на детей особый спрос! Я разочарована в тебе, Ксения! Я думала, ты умнее. Я возлагала на тебя большие надежды!

– А я думала, что вы человек, а не мразь меркантильная.

Я не такая обычно, но сейчас у меня горят щеки и очень кружится голова. Меня едва не оттрахал какой-то богатый олигарх, которому меня подарили, а оказывается, еще и другой должен был поиметь.

Чувство самосохранения притупляется, и впервые за долгие годы я не пасую перед этой сукой-надзирательницей. Мне нравится видеть, как утка бесится, потому что потеряла из-за меня деньги, репутацию, а сегодня, возможно, и клиента.

– Ты ответишь, Зайцева. Ответишь так, что мало не покажется!

– Я заявлю в милицию на вас. Мы все заявим, когда выйдем отсюда! Никто больше не станет молчать! Вы сядете надолго за все ваши грязные дела! За продажу несовершеннолетних, за организацию проституции, за порчу девочек богатыми мужиками. И за Владу тоже! Вы за все ответите!

В этот момент обычно спокойные глаза Лидии Ивановны вспыхивают пламенем. Я внутренне сжимаюсь, но она больше не бьет меня.

Поправив наглаженную блузку, она судорожно достает длинную женскую сигарету и закуривает.

Я медленно втягиваю дым. Сама не курю, но некоторые девочки иногда курят, вызывая у меня омерзение, потому что я знаю, откуда у них сигареты. Им их дарят толстосумы вместе с шоколадками после совместных “свиданий”. Такой себе презент юной “бабочке” за хорошее поведение, и я думать не хочу, как именно эти девочки заслуживают поощрение и такие подарки у взрослых мужиков.

Не все из нас трясутся и боятся этого, как я и Таська. Некоторые девочки уже привыкли, наладили контакт с Лидией Ивановной и спокойно ходят на такие “свидания по-взрослому”, взамен получая новую одежду, обувь или еду.

И не только девочки. Мальчики тоже, только они вообще предпочитают об этом не говорить и делают вид, что все нормально. Они никогда не ходят на “свидания” по доброй воле, и никто из мальчиков в жизни не признается, что проводил ночь с богатым мужчиной, хотя все и так все понимают.

Все хотят вещей и нормальной еды. Каждому здесь это достается своим путем, потому что дефицит жуткий и не хватает буквально всего. Иногда вещи приходят в детский дом, какая-то помощь от добродетелей и государства, однако реально до нас эти вещи практически не доходят. Их перебирают воспитатели и лучшее забирают своим детям или пускают на продажу. Нам же достаются крошки, если вообще достаются.

Полуголодные, нищие, дикие звереныши, которые не нужны никому в этом мире. И не мы такие, мир такой. Все думают, что мы отбросы, но это не делает нас ненормальными, как считают многие. У нас такие же сердца и чувства. Такая же потребность в семье и любви, как и у любого домашнего дитя.

Хорошеньких детей разбирают в семьи еще до шести лет. Последний вагон еще через четыре года, и все. Если до десяти лет не взяли в приемную семью, можно забыть об этом, потому что ты не вышел рожей или тебя не продали выгодно в руки хорошим людям, которые будут тебя любить.

Мы как щенята, которые хотят урвать свой кусок хлеба, просто чтобы выжить, и понимание этого не делает нас добрыми ангелами. За исключением Таськи. Вот она точно ангел, потому что домашняя, комнатная и не привыкшая к жестким законам детского дома.

– Пошли.

– Куда?

– За мной иди.

Лидия Ивановна открывает дверь ключом и выпускает меня из кабинета. Под руку хватает и отводит в дальнюю часть коридора, в котором я упираюсь пятками, видя дверь изолятора.

– Я не пойду туда.

– Входи, Зайцева. И куртку давай сюда! Посиди и подумай над своим поведением!

Утка сдирает с меня эту мокрую куртку и больно толкает в лопатки. Так я оказываюсь в карцере или изоляторе, судя по табличке.

У меня карантин, пока я не “забуду” правду. Я здесь впервые, но старшие девочки иногда попадали, потом выходили, и у них действительно “стиралась” память.

За три дня без еды и воды на холодном полу все плохое просто улетучивается из юной головы, что и надо нашим воспитателям.

Владлен хотел разрядки и трахаться всю ночь. Удачно заключенный договор, бизнес в деле, заводы работают, люди-роботы-рабы работают. Все как его любимые швейцарские часы. Отлаженно, качественно и до тошноты скучно.

Деньги приедаются. Шмотки, люди, маски надоедают очень быстро. Когда живешь с пеленок с золотой ложкой во рту, все кажется пресным и невкусным. Он никогда не голодал. Он никогда не знал слова “нет” в своей жизни, и каким же было его удивление, когда вместо элитной суки в постель на день рождения он получил “это”.

Оно всхлипывало и что-то лепетало в темноте, тогда как Рахманов не понимал, какого черта эта шлюха еще ему не сосала, стоя на коленях. Она тянула. Слишком сильно даже для неопытной. Опытом там и не пахло, Владлен знал эту систему до дыр, и Виталина никогда не предлагала дерьма, и это обратило его внимание. На незваную гостью.

Наряжена, как капуста, в несколько слоев тряпок. Это что-то почему-то начало икать, и, включив свет, Рахманов просто охренел. Не шлюха, либо замаскированная так, что не прикопашься. Какое-то животное, зверек бесхозный и ободранный.

Девчонка. Мелкая даже для дворовой шалавы. Она смотрела на него во все глаза и ревела. Подарок был испорчен, у Рахманова упал, даже не успев встать, но впечатление она произвела.

Семнадцать. Она не выглядела на семнадцать. На четырнадцать максимум. Слишком худощавая, губы еще детские, глаза большие, но взгляд овечки. Владлену стало противно. Уже работает. Шлюха молодая, но он таких не любил. Они ничего не умеют, а удивить его в постели было уже нечем.

Владлен пресытился легким сексом. Так же, как и красная икра при доступности по щелчку пальцев быстро перестает быть чем-то лакомым и желанным. Он наелся и хотел чего-то необычного. Он искал это что-то, но никак не находил. Виталина искала все тщательнее, ведь мало кто в стране платил столько, сколько платил Владлен.

Нечто мелкое и зареванное, с длинными русыми волосами и большими голубыми глазами – это чудо тряслось как заяц перед олигархом, но еще что-то возникало. Если это шутка, то не смешная, ошибка, накладка, напутали адрес или просто хотели подложить ему хилого подростка в постель.

Спустя час Жанна все же приехала, а значит, не Леший такой подарок ему устроил. К чертям, неважно. Желание трахаться пропало резко. Жанна старалась, сосала, аж слюни текли по большой груди, но у Владлена даже не встал.

Разболелась голова, он выпил две рюмки коньяка. Жанна танцевала голая до утра, пока олигарх пил. Отработала, пока Рахманов сидел и смотрел на нее, вспоминая голубые глазищи зверька.

Начало светать, Владлен машинально взглянул на часы, которых не оказалось на руке. На комод их тоже не оказалось.

Кто посмел? Жанна? Нет. Выбег так, что мало не покажется. Больше никого в доме ночью не было.

В руке олигарха хрустнул бокал, коньяк пролился на пол, а в ладони застряло стекло дорогого французского хрусталя. Сука-оборванка из детдома.

Глава 4

На самом деле управлять детьми просто. Достаточно лишить их еды, воды, тепла и припугнуть на всякий случай, что оставят без крыши над головой, что выгонят. Те из нас, у кого совсем нет никого из родственников, как я, например, рисковать не станут, потому что знают, что иметь такой дом лучше, чем никакой, и на улице каждого из нас ждет голодная холодная смерть. Это если повезет. А нет, так и что хуже может случиться. Особенно с девочками, но об этом думать вообще не хочется.

Конечно, так было не всегда. Этот черный “бизнес” со свиданиями появился вместе с изменением персонала. До Лидии Ивановны и Риммы здесь работали Надежда Львовна и Паулина Алексеевна. Они ушли на пенсию семь лет назад.

Они были нашей семьей или чем-то очень похожим на нее. Добрые, чуткие, вежливые, заботливые. Надежда Львовна даже приносила нам теплые домашние пирожки с яблоком и корицей. Я обожала эти пирожки не потому, что они были дико вкусными, а потому, что они пахли настоящим домом. Чем-то священным и особенным, чего никогда не было в моей жизни.

Я сильно плакала, когда они уходили. Я так не ревела даже тогда, когда удочеряли моих подруг еще в детстве, а меня нет. Не знаю почему, я просто всегда была частью детдома и обычно пряталась, когда приходили тети и дяди “выбирать” себе ребенка. Мне это казалось унижительным, и я их боялась. Я не высывалась особо, не лезла к ним в руки, не просила забрать с собой. Они были чужими людьми, и играть для них роль хорошего послушного щенка меня как-то не радовало. Наверное, я действительно как чучело выгляжу, потому меня и не взяли в семью.

Не очень высокая, худая, с выпирающими ключицами и большими глазами. Последние два года только чуть форму приобрела, до того вообще доска доской была. Теперь же есть у меня маленькая стоячая грудь и попа. Плоский живот и ноги худые, по-моему, слишком даже худые.

Волосы непослушные длинные я не обстригаю. Мне нравится, и я не чучело никакое. В зеркале я себе нравлюсь. Мальчишкам с детдома тоже, хоть мне и не до отношений. Я хочу быстрее доучиться и свалить отсюда. Я хочу пожить своей жизнью вне стен детдома, хоть и слабо представляю, чем буду заниматься после выпуска.

Хотела стать ветеринаром, потому что люблю животных. Правда, у меня никогда не было ни щенка, ни кошки, даже хомяка или рыбки, но я видела их на картинках и у домашних детей. Они радовались, таща с собой щенка на поводке, держа маму за руку и грызя мороженое. У меня не было ни первого, ни второго, ни третьего.

Я жадно смотрела на них через забор, а потом отворачивалась и скрывалась в стенах детдома. Завидовала ли я домашним детям, у которых есть все? Да. Безумно. Мы все завидовали тепличным деткам, ведь им не надо было выпрашивать лишнюю порцию ужина у поварахи, которая всегда забирала остатки домой, чтобы детдомовские случайно не объелись.

– Лидия Ивановна, пожалуйста, выпустите! – скребусь в дверь, я знаю, что она там. Не слышала ее шуршащих шагов. Ей нравится. Утка ждет, когда я буду умолять, когда я сломаюсь и начну плакать. В изоляторе темно и жутко, свет не включается специально. Такой себе дополнительный прием от воспитательницы, чтобы дети лучше поняли свою вину.

– Через три дня попробуем еще раз, и смотри мне, на этот раз без выкрутасов! А пока посиди и подумай над своим поведением, Зайцева. Думаю, Таисия будет поумнее. Вот не хотела ее брать, а придется! Из-за тебя!

– Нет, нет, не надо!

На мои мольбы никто не отвечает, утка уходит, а я опускаюсь на пол под дверь, вытирая слезы. Мне не столько обидно за себя, сколько за Таську, потому что она еще совсем наивный ребенок и верит в чудеса. Молитву читает перед сном, она точно не готова.

Ломать такую Лидии Ивановне доставит особое удовольствие, и мне становится страшно за Таську, потому что она очень красивая. Как куколка фарфоровая, с густыми кудрями и большими глазами, и мне жутко подумать о том, что ее может выкупить на ночь какой-то извращенец с полными денег карманами.

Я просыпаюсь на том же холодном полу. Мои вещи еще влажные, но сухих никто не принес. В изоляторе холодно, и, когда я выдыхаю, идет пар изо рта. На улице резко похолодало, и теперь предательский кашель то и дело вырывается из горла.

Я чувствую, как начинаю заболевать, но всячески пытаюсь этого избежать, растирая себе ладони и ступни, свои мокрые от дождя кроссовки сбрасываю, так же как и носки.

Мне нельзя замерзнуть, а выпускать меня отсюда никто не станет раньше трех суток. Это вторые, и я не знаю, доживу ли так до третьих, если говорить по правде.

Очень хочется пить, хотя бы каплю воды, но я понимаю, что это гиблое дело. Лидия Ивановна хоть уже и ушла, на вечернюю смену заступила Римма. Такая же гнилая внутри, хоть и моложе.

Им плевать на нас, и если “угодных” бабочек они еще берегут, то неугодных, как я, быстро списывают. Они не боятся милиции и всяких там проверок. Уже повзрослев, я поняла, что их кто-то покрывает. Супруг Лидии Ивановны – какой-то там высокопоставленный мент, так что мои угрозы обратиться в милицию – не более чем наивная пустышка, в которую не верю ни я, ни сама Лидия Ивановна.

Я просыпаюсь ночью от какого-то шуршания под дверь. Поднимаюсь, прокашливаясь. Мне жутко холодно, и меня прямо трясет. Приложив руку ко лбу, понимаю, что у меня температура. Очень вовремя, Ксюша. Просто молодец, умница! С таким парадом ты не дотянешь даже до выпуска. Так держать.

– Ксюша...

Глухой скребок в дверь повторяется, и я поднимаюсь. Я узнаю ее голос сразу, и улыбка озаряет мое лицо. Меня пришли проведать.

– Таська, ты?

– Ну а кто? Я, конечно. Ты как... Больно было? – спрашивает осторожно, а я не хочу Таську пугать. Она как ромашка – такая нежная, пугливая, чуть что – сразу в слезы. Даже хуже меня.

– Нет... Тась, иди спать. Уже поздно.

– Я не могу уснуть. Мне страшно. Скажи, что там было? Мужчина... какой он был? Он тебя бил?

Таська на год младше, и она домашняя. Этим все сказано. Ее родители были какими-то шишками, она не знала голода и поначалу даже ревела от громкого голоса надзирательниц. Мне ее жаль, она совсем не приспособлена для такой жизни.

– Тась, меня никто не тронул. Все обошлось, только не говори никому.

– Не скажу. Ксюш, я... я пришла попрощаться.

– Что? В смысле?! Таська, что удумала? Не смей мне тут нюни разводить! Ты слышишь? Все нормально будет!

– Я слышала разговор Риммы и Лидии Ивановны. Они обо мне говорили, а потом я видела свою анкету у нее на столе и фото какого-то жирдяя со свиным лицом. Ему лет шестьдесят, наверное. Ксюш, я следующая. Он заберет меня через два дня. Там дата была. Я не стану бабочкой. Слышишь?! Не стану!

Поджимаю губы. Хочется сказать, что она напутала, но я сама знаю, что это правда.

– Тась, ну куда ты пойдешь? Зима на носу, уже морозы начались. Я сама боюсь сбегать, а ты тем более, мы никому и здесь-то не нужны, а за пределами так наверняка. Ты не выживешь.

– Выживу, а нет, так стану солнечным зайчиком! Помнишь, мы пускали зеркалами? Я буду так свободна! Я больше не могу здесь, Ксюш. Это какой-то ад, а не детский дом.

Слезы наворачиваются на глаза. Зайчики – было дело. Пускали, когда было солнечно. Про ад думать не хотелось.

– Помню. Все я помню, Тась.

– Прощай, Ксюша. Прости, что ничем не могу тебе помочь.

– Прощай, Тася...

Опираюсь о дверь, становится дико жарко. Поднимаю взгляд на синее-синее ночное небо, и почему-то вспоминаются глаза того мужчины из замка. Олигарх. У него тоже очень синие глаза, холодные, как айсберги.

Владлен.

Влад-лен.

Его имя перекатывается у меня на языке.

Я касаюсь пальцами спрятанных украденных часов на запястье. Они слишком велики для меня и висят на моей руке, как что-то инородное, но безумно красивое.

Мне не нужны, по сути, эти часы, но они мне очень понравились, и я захотела что-то взять от него. Чтобы позлить его, чтобы отплатить за “чучело”, которым он меня обозвал.

«У этого олигарха крупная рука», – подумала я. Моя будет намного тоньше.

– Поднимайся, живо!

Утром меня грубо отрывают от пола, выводят из изолятора. Мне плохо, я совсем разболелась, но все еще не понимаю, почему так рано. Трех суток еще не прошло. Ориентировалась по красивым часам олигарха, которые все это время были на моей руке.

– Зачем так рано?! Хочешь, чтобы все увидели, что такое сходит с рук? – голос Лидии Ивановны звенит над ухом. Я опираюсь о стену спиной, чтобы не упасть от слабости. Облизываю пересохшие губы, не очень радуется быть неудобной утке, но и сдаваться так просто я не стану, и на колени падать, умоляя ее о теплой чашке чая, тоже не собираюсь.

– Она заболела! Окочурится еще, не приведи господи, а нам потом снова доказывать что да как! У нее жар, смотри, никакая уже просто. Медсестру надо вызывать. В том изоляторе минусовая температура!

– Сами разбирайтесь, это не мои проблемы, но чтобы к вечеру Зайцева была на ногах! Римма, делай с ней, что хочешь! Павел Николаевич уже аванс передал, он снова звонил и больше ждать не намерен, – шипит как змея, схватив Римму под руку.

Их товар разболелся, вот они и бесятся, а это уже меня радует.

Глава 5

– Лида, да она же простуженная, ты что, не видишь? Замени на другую девочку. У тебя же все там уже налажено.

– Нет, он хочет именно Ксюшу, и он ее получит, а ты пасть свою закрой! Я достаточно тебе плачу.

Они не выбирали выражений, думая, что я в отключке уже, но я все слышала. Просто не было сил подняться и открыть глаза. Голова гудела, то и дело горло подпирал кашель.

Римма взяла меня под руку и отвела к медсестре. Мне дали горсть каких-то таблеток и теплой воды. Я выпила, после чего Римма отправила меня в душ и, когда я вымылась, дала чистую сухую одежду.

Я была в отдельной комнате, не в нашей общей, меня словно отделили от других девочек. В коридорах было тихо, и, как я ни старалась взглядом найти Таську, ее не было. Я уже не сомневалась, что она сбежала и вот-вот из-за этого поднимут шум.

Так и случилось. Таську кинулись искать перед ужином, ее не было, и, конечно, никто ничего не видел. Я же мысленно пожелала ей удачи. Она была самой слабой и хрупкой из нас, удача ей точно пригодится.

Чисто для вида вызвали ментов, опрашивали всех, но меня не трогали. Римма караулила меня особенно тщательно, чтобы я чего лишнего не сболтнула обрюзгшему лысеющему милиционеру. Я держала язык за зубами, да и толку. Муж Лидии Ивановны все равно их отмоет, если что. На них не было управы, они сами были для нас законом.

Потемнело быстро, я только и успела поесть, а после Римма помогла мне расчесать волосы и велела снова переодеться. Тонкие колготки и короткая юбка в красную клетку, белая тоненькая блузка.

Вещи были не моими, варианта отказа не было, и у меня слезы отчаяния навернулись на глаза. Тупик и беспомощность, хоть в петлю лезь, честное слово. В этот раз мне не повезет. Они нарядили меня, как маленькую куколку. Специально. Лидия Ивановна очень хотела, чтобы я понравилась Павлу Николаевичу, которого я даже в глаза не видела.

– А это что такое?! Боже... Дай сюда!

С руки больно сдирают часы. Те самые, которые я стащила у того олигарха. Не ради денег, а просто... сама не знаю почему. Они мне понравились, и я хотела насолить ему за его обидное “чучело” в мою сторону.

– Не трогайте, это мое!

– Стащила небось! Я думала, ты не ворует. Господи... они же фирменные! Швейцарские. Они стоят баснословных денег. Откуда?

Ее глазенки округляются, и Римма крутит эти часы на свету, как что-то драгоценное, а после быстро засовывает их себе глубоко в карман.

– Верните.

– Закрой рот, не то Лидии Ивановне расскажу, что ты клиента обворовала! Она шкуру с тебя спустит за такое. Изолятор тебе сказкой покажется! Идем.

Меня снова забирает какая-то машина, но водитель другой. Я не ела два дня до этого, поэтому слабо соображаю и практически не запоминаю дорогу. Помню только, что за город снова выезжаем, тени деревьев мелькают за окном, а я руками себя обхватываю, стараясь согреться. Кажется, действие таблеток уже прошло, и меня снова дико морозит, трясет, как зайчишку, в этой тонкой блузке в конце ноября.

Я засыпаю по пути, не выдерживаю температуры. Кажется, чувство самосохранения просто отказывается на меня сегодня работать. Прихожу в себя от грубого тормошения по плечу. Водитель.

– Выходи. Приеду утром. Будешь ждать. Сама не иди! Довезу, откуда взял. И это... не бузи перед ним. Будь спокойной.

– Почему?

– Не хочу по больницам с тобой тягаться потом, – звучит как предупреждение, вот только мне от этой информации совсем не становится легче.

– Дядь, а можно... можно я не пойду туда, а вы скажете, что была?

– Первый раз, что ли?

Он усмехается, закуривает.

– Да.

– Нет, нельзя. Иди.

Я же не двигаюсь с места, поэтому из салона этот шкаф меня буквально выдирает и передает прямо в руки другому мужику. На этот раз я не одна, меня провожают, и я попадаю в огромный особняк, в котором много людей и выпивки.

Играет негромкая музыка, отовсюду доносится приятный запах парфюма. Это похоже на какую-то частную вечеринку для богатеньких, где мне сразу же предлагают бокал шампанского, от которого я успешно отказываюсь.

И все бы ничего, пусть богачи развлекаются, если бы я не увидела, как именно они это делают. На столах танцуют полуобнаженные женщины. Мужики смотрят на них, пьют что-то янтарное из бокалов. Некоторые девушки совсем молодые, они сидят у мужиков на коленях. В одних трусах, и никого ничто не смущает. Кроме меня.

Я же вжимаюсь в стену от увиденного, не смея ступить ни шагу. Я такого никогда не видела и не хотела бы видеть. В этот момент мне хочется стать невидимкой и нацепить на себя паранджу, потому что я замечаю, как на меня смотрят эти богатые мужики в дорогих костюмах. Как львы на овечку. С голодом и неприкрытым интересом, а потом я чувствую тяжелую руку на талии.

– Ты Ксюша? Идем.

Этим кто-то оказывается мужик лет пятидесяти пяти, с обрюзгшей красноватой рожей, большим животом и маленькими глазенками. Он одет в серый блеклый костюм и туфли, и именно сейчас он тащит меня по ступенькам вверх.

Это и есть Павел Николаевич, мой покупатель. Он меня ждал, потому что первым ко мне подошел и узнал. Он видел мое фото.

От страха деревенеют ноги и кружится голова. Я с силой ухватываюсь за поручень на ступеньках и буквально прирастаю к нему. Я здесь одна, мне никто не поможет, и утром я уже никогда не буду прежней. Чувствовать себя бесправной куколкой для забавы богачей жутко, больно и просто отвратительно.

– Что ты там так долго? Или сюда, маленькая!

Павел Николаевич берет меня за руку и тащит вверх, после чего открывает большую дверь и галантно приглашает войти, тогда как у меня тошнота подкатывает к горлу. Не так... боже, только не так. Я его совсем не знаю, он мне в дедушки годится, и я... я просто не могу так.

– Я не буду. Верните меня в детдом, – почти шепотом. Я скорее умру, чем лягу под него. Чем стану бабочкой на ночь для развлечения богатого толстосума.

Павел Николаевич смотрит на меня всего секунду, после чего подходит и, наклонившись ко мне, ласково гладит по волосам.

– Не бойся. Ты должна меня слушаться. Я не сделаю больно. Ну разве что чуть-чуть. Идем!

Он толкает меня вперед и, когда я не поддаюсь, буквально заламывает мне руку за спину, вызывая у меня истошный крик.

– А-а-ай, пусти, урод, мне больно!

Этот хряк не реагирует и буквально заталкивает меня в одну из комнат, и, как только дверь закрывается, его манеры летят в тартарары, потому что в тот же миг я получаю сильный удар в живот. От острой боли просто складываюсь пополам, опускаюсь на колени, издавая нечто похожее на скулеж.

Кажется, будто этот дядька выбил из меня весь воздух, потому что я вздохнуть нормально не могу, в глазах сразу темнеет, и я не способна даже пикнуть, не то что убежать отсюда. Приемы самообороны не работают, потому что я их толком не знаю, да и сил у меня после двух дней голодовки просто нет.

Я сижу на коленях на мягком ковре, держась за живот, и с ужасом вижу, как Павел Николаевич закрывает изнутри дверь на ключ, а после ослабляет галстук на жирной шее.

– Ну что, маленькая, начнем заново?

– Не надо...

– Ну-ну, не дуйся, я не хотел делать тебе больно. Просто надо меня слушаться. Вставай, сделаешь дяде приятно. У тебя ведь не было еще мужчины?

– Не подходите... пожалуйста, не надо!

Из последних сил поднимаюсь, прошу его, но он не реагирует. Едко усмехнувшись, Павел Николаевич как пушинку меня хватает и бросает на большую мягкую кровать.

Я же закрываю лицо руками, подбираю к себе ноги, съеживаюсь вся. Не могу смотреть на него. Я просто... не могу. Боже, почему я не умерла в том изоляторе, надо было сдохнуть тогда, теперь бы не мучилась. Дура, идиотка, надо было тоже, как Владка, себе вены перегрызть, теперь бы не испытывала этого дикого ужаса и боли.

Громко вскрикиваю, когда Павел Николаевич хватается за лодыжку и тянет к себе. Больно, кажется, что сейчас треснет моя нога от его клешни, а после я слышу, как ручка двери поворачивается, но не открывается.

– Занято! Иди сюда, моя девочка... Иди к папочке! Снимай с себя одежду, ну же! Я дам тебе конфет, дам подарки, какие только захочешь.

Хряк тащится к кровати, в углу которой я сижу, обхватив колени руками, но громко вскрикиваю, когда дверь резко открывается, словно от удара ногой, и я слышу выстрел. Глухой и громкий одновременно – это звук огнестрельного оружия.

Собственный крик разрывает тишину, и я даже не замечаю, как сваливаюсь на пол, забиваясь в самый угол кровати к тумбочке.

Какие-то голоса, женские визги, я слышу, как эти люди выбегают из особняка, но подняться не могу.

Меня всю трясет, и очень болит живот от удара. Единственное, что я запоминаю, – синие глаза цвета грозового неба. Это он, тот самый олигарх из замка, Владлен, и он только что застрелил моего покупателя.

Павел Николаевич лежит на полу с дырой в голове, а Владлен стоит рядом, держа пистолет в руке. Кричать нет сил, меня почему-то накрывает чернота. Я ничего не вижу и не чувствую.

Глава 6

Я прихожу в себя в большой комнате с высокими потолками и хрустальной люстрой. Голова все еще гудит, хоть мне намного лучше, чем тогда... там, в том особняке было.

Где я? Что случилось? Пазл никак не складывается, смешиваясь в какую-то кашу. Мой жуткий покупатель, болезненный удар в живот, выстрел.

Поднимаюсь осторожно и понимаю, что я в кровати. На огромной двуспальной кровати, укрыта двумя мягкими одеялами. Рядом белоснежная деревянная тумба, на ней градусник, стакан воды, какие-то таблетки и справка. Судя по абсолютно неразборчивому почерку, от врача. Боже, меня кто-то осматривал!

Паника и ужас мгновенно охватывают тело, я сдираю с себя эти одеяла и только потом спокойно выдыхаю. Я одета в свою одежду, даже колготки не порваны, а значит... ничего не было, и тот кошмар с пистолетом, трупом... все это правда.

Жадно выпиваю воду, а после поднимаюсь и, держась за стену, на цыпочках выбираюсь из этой комнаты, попутно отмечая, что она не похожа на ту, в которой я потеряла сознание. По мебели и отделке она похожа на... не может быть. Это дом того дико богатого олигарха, у которого я совершенно неслучайно стащила часы. Вот блин!

Я спускаюсь на первый этаж по крутой лестнице с золотыми коваными перилами и сразу улавливаю запах еды. Боже, я такая голодная, что невольно заглядываю в гостиную, и под ложечкой неприятно сосет.

Там стол огромный накрыт как для королей и просто ломится от еды. Нарезанные свежие фрукты и сыры на красивых блюдах, ветчина, разные еще теплые булочки. Какие-то вычурные пирожные и черная икра, паштеты, красная рыба и деликатесы, которых я не то, что не пробовала, в жизни не видела даже, и все вместе это пахнет просто умопомрачительно.

Я подхожу к этому столу и просто начинаю есть. Прямо руками, без всяких там вилок и ложек. К черту, сойдет и так. Как дикий зверек, я хватаю первое, что под руку попадает, и жадно откусываю бутерброд с икрой, глотаю, практически не пережевывая его.

Вкусно... нет, это не так называется. Это сказочно, красиво, сочно, пикантно и приятно. М-м-м... я попаду в ад за это, это не моя еда, но я такая голодная, что съела бы и слона.

– Нравится?

От низкого бархатного голоса я едва не давлюсь этим бутербродом и быстро кладу его обратно на тарелку. Блин, попалась, вот же ж неловко получилось...

Медленно поворачиваюсь, и эта икра начинает жечь желудок. Олигарх стоит предо мной. Тот самый, которого я обворовала. Такой высокий и крепкий, взрослый мужик, он смотрит на меня как на мошку с высоты своего роста.

– Ты?!

– Не смей мне тыкать!

Это он. Владлен собственной персоной, и он зол. Явно. На меня. Только теперь я полностью узнаю этот замок. Я уже была здесь тогда, когда меня впервые привезли к “дяде” на ночь. Это тот же дом, та же люстра и тот же белый мрамор на полу.

– Что вам надо, вы что, ненормальный? Почему я здесь?! Я не хочу быть здесь! – специально понижаю голос, чтобы казаться старше, ловлю его пристальный взгляд на себе. Олигарх смотрит на меня как на букашку просто. Как на что-то грязное, хоть на мне теперь и чистая одежда.

– Ты бы предпочла лежать под тем депутатом?

– Откуда вы...

Кадры той страшной ночи мелькают перед глазами, и я вспоминаю, что это именно Владлен выстрелил в Павла Николаевича, а меня... он забрал меня свидетелем.

Легкая полуулыбка олигарха быстро превращается в оскал. Злой, жестокий, звериный, и я даже шагу ступить не могу, как оказываюсь прижата к стене. Владлен медленно берет меня за горло и поднимает так, что я едва касаюсь носочками пола. Противостоять не могу, его прикосновение будто парализует.

Боже, он совсем не так действует на меня, как тот противный депутат. Совсем иначе, по-другому как-то. Сильнее, острее, невыносимо просто страшно.

Замираю, едва хватая ртом воздух, шевелиться не могу от сильного захвата. Этот мужик вжал меня, как моль, в стену и вот-вот расплющит. Он не дает мне дергаться и в то же время не делает больно. Словно удав: перед тем как задавить добычу, он играет с ней.

– Я никому ничего не скажу! Честно. Слово даю! А-а... Пустите!

– Мне плевать на того депутата и его тушку.

Его пальцы больно впиваются мне в горло, и ужас пробирается под кожу, когда я замечаю в синих глазах этого олигарха опасный блеск.

– Что вам тогда надо? У меня нет ничего ценного. Нет... – хриплю, накрывая его сильное запястье ладонями от страха. Воздух быстро заканчивается, но Владлен не отпускает, дает только чуть-то вздохнуть, просто чтобы я не отключилась.

– Есть.

При этом олигарх сильнее надавливает пальцем на мою артерию, и у меня перед глазами мгновенно темнеет. Становится сухо во рту, но все же я не отключаюсь. Он не дает, не позволяет, контролируя меня всецело, держа как куколку в своих руках.

– Часы. Ты спиздила мои часы, сука. Верни.

Бли-и-ин. И как он запомнил, припомнил и заметил! Наверняка у него таких вещичек целая куча. Ну почему именно эти часы...

– У меня их больше нет. Честно! Я... я потеряла их. Пустите, дядь, мне надо... надо в детдом!

Владлен резко меня отпускает, и я жадно хватаю ртом воздух. Боже, что это за человек! Он едва не задушил меня.

– Ты не вернешься больше туда.

Холод липкими клешнями пробирается под кожу. Становится не по себе от его мрачного тона, и я машинально растираю кожу на горле, где только что была его сильная рука.

– В смысле?

– В прямом. Ты должна мне сто тысяч евро за часы и столько же за моральный ущерб.

– Что?! Нет... У меня нет таких денег, я не смогу отдать **такой** долг!

– Значит, будешь отрабатывать. Твоя шкура столько не стоит, потому я заберу тебя с потрохами и оставлю себе.

– Зачем? Как я буду этот долг отрабатывать... Трахать меня будете?

Владлен молчит, смотря на меня, а после внезапно раздается громким смехом, в уголках его глаз я замечаю морщинки.

Он некрасив, страшный какой-то, но и оторвать взгляд я не могу от его синих пронзительных глаз. Как бешеное море они, как небо перед жуткой бурей.

– С момента нашей последней встречи ничего не изменилось, чучело. В зеркале видела себя?

Слезы подкатывают к глазам. Больно. Даже в этот раз. Все равно больно. Ненавижу.

– Зачем я тогда вам? Я вам даже не нравлюсь.

Пожимаю плечами, глазами подыскивая выход. Кажется, я попала совсем не туда, и пора мне сматывать удочки от этого богача. И если от Павла Николаевича мне было противно, то от Владлена у меня кровь стынет в жилах. Он меня пугает. Очень.

– Всегда хотел домашнего зверька. На год, потом мы вернемся к этому разговору.

– Я вам никакой не зверек и я не стану здесь оставаться! Вы больной богатый психопат!!! – выкрикиваю, теряя терпение. Это все мне кажется чем-то жутким, будто меня берут в собственность, словно меня присваивают, как щенка. На год. На целый год!

Олигарх делает шаг вперед, отчего я снова вжимаюсь спиной в холодную стену и высоко задираю голову, чтобы встретиться с его цепким взглядом. Сердце начинает стучать чаще, живот напрягается и дрожат коленки, когда я невольно вдыхаю его запах.

Не знаю, что делать, он меня в угол загнал. Сглатываю, смотря на этого взрослого мужика на полторы головы выше меня. Хватаю воздух приоткрытыми губами: страшно.

– Тогда я верну тебя в тот особняк и прикажу вытрахать во все дыры. Уверен, этим старым херам понравится даже такое чучело, как ты. Они поделят тебя на троих или четверых. Или пятерых, если я попрошу об этом. Выбют до крови, а после положат тебя на стол и будут играть на тебе в карты, поливать тебя шампанским, когда от боли ты даже орать больше не сможешь. Ты хочешь этого, зверек?

Ответить мне нечего. Чувствую только, как из глаз катятся слезы, и вздрагиваю, когда Владлен касается моей щеки, большим пальцем вытирая слезу.

– Не хочу. Я не хочу так... Что вам надо... что?

– Ты. Ты мне нужна. Ты моя новая игрушка.

– Я живой человек, я не игрушка! – вскрикиваю, но он даже бровью не ведет. Этот жестокий олигарх складывает явно сильные руки в карманы брюк, выравнивает спину, расправляя широкие плечи и прямо смотря на меня, как чертов король мира.

– Я потерял из-за тебя деньги, время и свою любимую вещь. Ты заменишь мне это. Ты станешь моей новой вещью.

– Что вы будете делать со мной... – голос дрожит, сбивается. Олигарх меня не ударил, но в то же время от боли орет каждая клетка. Я понимаю, что прямо сейчас попадаю в капкан, и у меня нет права на отказ. Он воплотит то страшное, что нарасказывал, в жизнь, если я откажусь.

Владлен описал групповое изнасилование в деталях, будто сам не раз видел такое, а может, и принимал участие. Боже.

– Я буду играть в тебя, зверек.

– Как играть?

Вытираю слезы, смотря на яркие синие глаза олигарха, на его лице нет ни капли жалости, сочувствия или тепла. Каменный. Отстраненный, жестокий.

– Я буду играть с тобой, как со щенком. Велю, и будешь прыгать на задних лапках. Будешь послушной – поглажу по голове. Прикажу, и будешь лакать молоко из миски, стоя на коленях. Предо мной. Станешь кусаться – посажу на цепь.

Глава 7

Тогда я еще не поняла до конца, что значит “буду играть с тобой”. Я же не ёлочная игрушка и не мячик, который можно подкинуть вверх или пнуть ногой, хотя в последнем сильно сомневалась.

Щенок, он меня со щенком сравнил, которого собирался дрессировать, поощрять и наказывать! Чертов ненормальный олигарх!

Рахманов. Я увидела его фамилию на одном из блюд. Она была выгравирована на нем, как и на множестве других вещей. Этот богач явно гордился своим происхождением, тогда как я уже продумывала план побега из этого жуткого дома.

Показав мне мое “место”, олигарх поднялся наверх, а я, перепуганная, только и смогла, что рвануть к двери, которая, конечно, оказалась закрытой.

Попала... вот же я попала! Из-за каких-то чертовых часов!

Дурочка, не надо было воровать, я же их теперь не достану, Римма наверняка их уже продала! К черту! У Владлена небось таких вещей полно, чего он в них так вцепился... Господи.

В голове какой-то кавардак, в висках пульсирует страх. Зачем я сдалась этому взрослому мужику? Ясно, что я ему не нравлюсь. Владлен смотрит на меня как на букашку какую-то, на что-то грязное. С презрением и, кажется, даже брезгливостью.

Конечно, куда уж мне до него. Как мошке до небес!

Я обхожу дом в поисках еще одного выхода, но все двери закрыты. Моя простуда еще не прошла, поэтому быстро выбиваюсь из сил и ползу в свою норку на втором этаже, хотя норкой это назвать сложно.

Хоромы, пожалуй, будет более точное определение. Тяжелые бордовые шторы, белая мебель с золотыми ручками, ковры, огромные окна аркой. После детдома эта комната показывается мне каким-то сказочным миром, вот только все здесь чужое и кажется нежилым. Все такое же холодное, как и синие глаза хозяина.

Это похоже на каменный замок, чудовище в котором сейчас в своей спальне, куда я лезть по понятным причинам не рискую.

Зайдя в душ, стягиваю с себя одежду и замечаю огромный фиолетовый синяк внизу живота. Это тот урод Павел Николаевич со свинными глазами меня ударил, и одно только прикосновение к животу теперь вызывает дикую боль.

Быстро ополоснувшись и вымыв волосы, я натягиваю белый пушистый халат, потому что никаких других вещей в комнате попросту не нахожу.

Не могу не отметить обилие косметики и разных уходовых баночек-скляночек. Каждую хочется понюхать и намазать на себя. У меня никогда не было и десятой части из всего, что здесь есть, и я даже не совсем понимаю предназначение некоторых тюбиков и крупной соли, которую тоже зачем-то сюда притащили.

У нас такого не было в детдоме. Мне всегда казалось, что достаточно простого мыла. Лучше, конечно, если детского, от него кожа не так сильно трескалась и сохла.

Когда я выхожу из душа, на тумбочке обнаруживаю мазь от синяков. Клянусь, перед тем как искупаться, я не видела здесь никакой мази!

Олигарх заходил ко мне, хоть я и закрывалась изнутри. У Владлена есть ключи от всех дверей замка.

Кажется, я отключаюсь на кровати прямо в халате, однако вскакиваю резко посреди ночи в холодном поту. Что я здесь делаю... Господи, я думала, что это просто жуткий сон. Быстро

опускаюсь на теплый ворсистый пол босыми ногами, сильнее затягиваю халат и выбираюсь из комнаты.

Ночью замок кажется зловещим. Что-то трещит, воем ветер, и в окна скребутся голые ветки деревьев. Не то чтобы я трусихой была, нет, в детдоме чего я только не видела, однако мы там все равны были, и если огребали, то все одинаково, а здесь я одна. Я наедине со взрослым мужчиной, которому должна просто гигантскую сумму денег.

«Валить отсюда надо», – стучит в голове. Пока я еще целая, поэтому на месте мне не сидится.

Я тихонько ступаю по полу, пока не добираюсь до комнаты олигарха. Здесь есть и другие спальни, но почему-то я знаю, что он именно тут. Запах. Аромат его диковинного парфюма здесь ощущается сильнее всего.

Максимально тихо открываю тяжелую дверь, на цыпочках пробираюсь внутрь. У него должны быть ключи от этого логова. Где же они... где?

В комнате мрак. Плотны зашторены шторы, и я не вижу даже собственных рук. Ох, мамочки, хоть бы не напороться на что-то. И тут из горла вырывается крик, когда мизинцем я натываюсь на что-то дико острое. Угол кровати. Твою ж!

– Черт возьми, больно! Ай... ай... а-ай! – шиплю, прыгаю на одной ноге, после чего резко загорается свет, и, подняв голову, я застываю на месте.

По спине ползут муравьи, потому как я вижу, что ОН не спит. Олигарх сидит в кресле, сложив крепкие руки на груди. Абсолютно одет. Даже в обуви. Две верхние пуговицы белой рубашки только расстегнуты на шее. На часах замечаю, что уже три ночи, три...

– Вы что, совсем не спите? Вампир?

Как-то тупо получается, но я уже это сказала. На это Рахманов не реагирует, а достает металлическую коробку каких-то элитных вычурных сигарет из кармана и закуривает. Я замечаю, что зажигалка у него тоже очень необычная. Блестящая, крупная, с красивым рисунком сбоку. Похоже на ручную работу. Я таких никогда не видела на прилавках.

– Что ты делаешь в моей спальне, зверек?

– Я... я это... Это... – подбираю варианты, и их нет.

Я растерялась перед ним. Почему-то была уверена, что этот богач спит в такое время, как и все нормальные люди, но, похоже, это к нему вообще не относится. Стащила ключики, что называется, елки...

– За этим пришла?

Владлен поднимает с журнального столика связку ключей, и у меня загораются глаза. Он знал! Этот чертов олигарх предвидел и ждал, пока я приду сюда сама!

– Выпустите меня немедленно, не то я заявлю на вас в милицию! Будете сидеть в тюрьме за похищение несовершеннолетнего!

Вздернув подбородок и придав голосу весь драматизм мира, чеканю, однако, похоже, это не производит на Владлена должного эффекта. Никакого.

– Кто ты?

Чуть подается вперед, и я вижу, как этот взрослый олигарх опирается о колени сильными руками в закатанной до локтей белой рубашке. А еще от него пахнет таким приятным парфюмом, что даже стоять сложно рядом. Мамочки.

Машинально делаю шаг назад, потому что его запах хочется вдыхать и чувствовать, а я не хочу. Мне кажется это опасным. Для меня.

Сдвигаю брови. Он какой-то странный. И вопросы у него такие же.

– В смысле?

– У тебя есть документы, свидетельство о рождении, паспорт? Кто ты, зверек?

– У меня нет документов. Вы же знаете.

Стою напротив этого олигарха и хлопаю ресницами. Неловко и страшно. Я не знаю, чего от него ожидать.

– Вот. Значит, и тебя нет. Ты просто глупая маленькая овечка, смеющаяся мне угрожать.

– А вы сами кто такой? Волк? Вы регулярно грабите банк или убиваете людей на заказ? – смелею, говорю, что думаю, и едкая короткая усмешка озаряет строгое лицо Владлена.

– Откуда такие предположения?

Чуть прищуривается, и я замечаю, что он рассматривает меня. Не пялится, а именно рассматривает. Изучает с интересом, как глупого маленького зверька, с которым забавляется прямо сейчас.

– Вы явно богаты, и я просто не понимаю, откуда такие деньги могут быть у простого человека.

– Я предпочитаю быть хищником, а не простым человеком, игрушка.

– Я не игрушка, хватит! Мне не нужны ваши хоромы! В детском доме моем холодном и то будет куда лучше! Я хочу вернуться в детдом и я не собираюсь тут плясать под вашу дудку!

Резко разворачиваюсь, чтобы уйти, но слышу его бархатный низкий голос:

– Смотри.

Что-то чиркает по столу, и я оборачиваюсь. Какой-то белый конверт, который олигарх бросил мне под ноги, как что-то ненужное.

– Что это?

– Сама глянь.

Долька любопытства побеждает, я медленно наклоняюсь и осторожно беру конверт в руки. Он полон каких-то фотографий, и, когда я вытаскиваю их, начиная рассматривать, тошнота и липкий ужас подкатывают к горлу.

Фотографии вываливаются из рук вместе с конвертом, и я оседаю на пол, издавая нечто похожее на жалобный скулеж.

На этих фото девочки из моего детдома и некоторые другие, которых я не знаю. В неестественных позах, сразу под несколькими мужиками в каких-то богатых помещениях. Заплаканные, избитые так, что места живого на них нет.

Некоторые девочки порезаны. На их животах и бедрах следы от глубоких ран, словно их кто-то резал ножом. Специально.

На паре последних снимков я узнаю Владу. Ее имели сразу трое мужиков. Жирных старых уродов. Понятно теперь, почему она тогда такая вернулась и не захотела больше жить. Они ее изнасиловали втроем. Втроем!

– Сволочи... Это вы, да?! Вы тоже принимаете в этом участие, как и эти звери?! Что это за ужас? Господи...

– Это твоя судьба, игрушка, которая ждет тебя в твоём любимом детском доме, – холодно басит, смотря прямо на меня, так и сидящую на холодном полу.

– Они были такими молодыми, они хотели жить! Гады! Ненавижу!

– Они были мясом! А хищники питаются только мясом, овечка! – чеканит Владлен, резко поднимается и тушит сигарету прямо о край стола, оставляя на нем черный след, а после проходит мимо меня, сидящей на коленях.

Я же смотрю на эти жуткие фото изнасилованных девочек, вытираю слезы дрожащей рукой и понимаю, что он меня не пугает. Владлен показывает мне правду, какая она есть.

Этот монстр играет со мной, как кот с мышкой. Не лишая меня свободы, но отлично показывая последствия моего побега, и я понимаю, что больше не хочу сбегать в детский дом.

Владлен мне отчетливо показал, что меня ждет по возвращении туда.

Глава 8

Он привел целую бригаду врачей на следующий день, которые меня осмотрели с головы до ног и выкачали столько крови, сколько я еще в жизни своей не видела.

Они проверяли меня... всю. Реально всю. От зубов до промежности, волосы, ногти и даже зрение. Оказалось, что левый глаз у меня видит хуже правого, тогда как я всю жизнь жила и ни сном ни духом этого не замечала.

Я шипела и брыкалась, даже укусила за руку одну врачиху, которая хотела пощупать мой живот, и тогда пришел Владлен. Одного лишь его стального взгляда в мою сторону хватило, чтобы притихнуть и дать себя осмотреть.

– Я не больная! Здоровая я! А боитесь блох, выкиньте меня на улицу!

– Выкину, как придет время.

Складывает руки в карманы явно дорогуших брюк. Владлен всегда ходит нарядный, как принц. У него красиво уложены волосы, и пахнет от него так, что у меня слюнки текут. Приятно. Притягательно. Ужас какой-то.

– Зачем столько крови выкачали! У меня уже везде синяки на руках и болит, между прочим! Или вы на органы меня сдавать собираетесь?!

Уголок его губ дергается в презрительной усмешке. Смешно, видите ли, ему. Вот гад!

– Твои органы даром никому не сдались.

– Зачем тогда это все?

– Я должен понимать, что в моем доме живет незаразный зверек.

Снова этот “зверек”. Поджимаю губы. Сволочь богатая.

– Гинеколог меня тоже потому осмотрела? Результатом хоть довольны? Там все по стандарту?

Это правда. Одна из докторш меня и там осмотрела, заставляя сто раз покраснеть перед ней. Я едва выдержала эту пытку и позу раскоряченной лягушки на кровати, благо внутрь она не лезла. Я сказала, что никогда еще не была с мужчиной, она глянула и, кажется, удостоверилась в моих словах, утвердительно качнув головой.

– Если бы не был доволен, тебя бы уже здесь не было, – холодно чеканит Рахманов и уходит. Чертов олигарх! Он думает, что ему можно все. Хоть в рот мне заглянуть, хоть в трусы. А через несколько дней на обеденном столе возле моего места появляется отдельное блюдо с кучей каких-то лекарств.

Прочитав инструкции, ничего страшного я там не нахожу: кальций, рыбий жир, витамины А, Е, Д. Недолго думая, я начинаю пить эти пилюли. Хуже от них точно не будет, вот только я все еще не понимаю, зачем ОН это делает? Для меня. Неужто так не хочет видеть рядом с собой худого истощенного зверька? Либо все же на органы готовит...

Я живу с олигархом под одной крышей уже неделю. Первые ночи не спала, думала, он придет ко мне, но он ни разу не входил, пока я вся извелась от догадок. Этот взрослый мужик меня не касается, не пристаёт, не донимает и чаще всего даже не смотрит в мою сторону.

Зачем я тогда ему сдалась? Ну что с меня взять? Сил во мне немного, ценного ничего нет. Разве что на органы разобрать, да и то много он не выручит, и не похоже, чтобы Владлен нуждался в деньгах.

Я часто вспоминаю о детдоме. Интересно, ищут ли они меня, волнуются или уже давно забыли о моем существовании? Я бы могла попытаться сбежать, вот только куда мне бежать без документов и денег, да и смысл? Что меня ждет на улице? Голодная смерть или судьба очередной бабочки, которая так же быстро потухнет, как и загорится.

В том же замке меня кормят, здесь тепло, и у меня даже есть своя отдельная комната, личная ванная и душ. Это простые вещи, но ценность их понимаешь, когда всю жизнь живешь в месте, где все общее и всем приходится делиться.

Судя по этому замку, вещам и образу жизни Рахманова, я отняла у него не последние сто тысяч евро, тогда зачем я ему... у меня нет ответа на этот вопрос, а еще олигарх никогда меня не называет по имени. Ни разу, и похоже, он его просто не запомнил.

“Игрушка”, “зверек” или “мелкая”. Иногда просто “ко мне” подзывает, как собачку, что невероятно бесит.

За две недели этого моего заключения я знакомлюсь с Женей – водителем – и тетя Наташей – поваром. Еще мелькают другие люди, прислуга и охранники Владлена, но их много, и они все безликие, не запоминающиеся мне.

Владлен же врезается в память. Сама не знаю почему. Наверное, своим самодовольным видом и повадками короля. Будто ему можно все на этом свете, вот реально все.

Всегда одет с иголочки, я ни разу не вижу, чтобы этот мужик ходил просто босиком по дому или хотя бы куда-то спешил.

Владлен похож на хищника, и я его все же побаиваюсь, хоть он ни разу не обидел меня физически. Спустя пару недель опасений я понимаю, что никто меня насиловать и пытаться тут не собирается, и потихоньку начинаю, что называется, обживать в хоромах.

Боже, я так в жизни не жила! В таком уюте, тепле и шикарной обстановке. Теперь я люблю принимать ванну по два часа вечерами, нежась в тепленькой воде и сдувая с ладоней ароматную пенку. Мне нравится часами гулять по этому замку, рассматривать диковинные картины и статуэтки. Здесь все очень красиво, как в музее, настолько же и необычно, холодно, закрыто.

Я обхожу здесь все двери, и все они всегда открыты. Все, кроме одной. Последней на третьем этаже. Эта дверь всегда заперта на ключ, и, как я ни стараюсь ковырять в ней шпилькой, ничего у меня не выходит.

Единственное, что меня здесь больше всего впечатляет, – библиотека. Нет, даже не так. БИБЛИОТЕКА! Эта комната просто огромная, с высоченными стеллажами книг до потолка и мягкими диванами у витражных цветных окон.

Сотни, нет, тысячи книг разных мастей и даже языков! Некоторые названия я вижу впервые, некоторые даже не могу прочитать, но находиться здесь мне нравится. Тут пахнет книгами, пылью, старой бумагой, кофе и немного чернилами.

Что бы я ни думала об этом самодовольном олигархе, я никогда в жизни не видела такого умного человека, как он. Владлен мог прочесть книгу за один присест, и неважно, на каком языке она была. Русском, английском, французском или арабском. Мои же познания иностранных языков сводились к знанию парочки матерных слов, отчего было стыдно.

– Прочти. Вслух.

Владлен бросил прямо в меня одну из книг. Я едва поймала. Не знаю, с какой дури приперлась в библиотеку, зная, что богач сегодня дома. Он часто уезжает и, конечно, никогда не отчитывается предо мной.

Подхватив эту книгу, провожу пальцами по ее названию. Что-то на английском. Длинное, такое вычурное название, прочитать которое я не могу.

Я не знаю даже, как читать эти буквы толком. У нас в детдоме не было нормальных уроков английского. Мы на них дурачились, потому как старая карга Калугина не то что не учила нас, она даже не пыталась.

– К... х... рист... мак. С... то...

– Хватит! – рыкнул так, что похолодело в жилах, и резко забрал у меня книгу. Вырвал даже, царапая кожу. Владлен при этом коснулся моей руки, и ладонь в том месте загло, больно

защипало. Его прикосновение как током меня ударило, задрожали пальцы, но я не подала виду, высоко задрала голову.

– Я не дочитала! Я умею читать на английском!

– Я вижу, – хмыкнул, и я увидела снова это презрение к себе в его синих холодных омутах. Стало больно и стыдно, я резко опустила голову, чтобы олигарх не прочитал этого в моих глазах.

– Хм... Ну не всем же быть профессорами.

Поджала губы и мотнула головой, закатывая глаза, сложила руки на груди в защитном жесте. От него. Владлен бесил своей надменностью и пугал резкостью, и пока я не знала, что сильнее.

– Тебе нравится быть дурой? Нравится быть **тупой** овцой?!

Грубо схватил меня за шиворот, с легкостью оторвал от пола и с силой встряхнул. Я испугалась, сжалась, ожидая удара, но Владлен не ударил. Резко отпустил меня, и я плюхнулась в кресло.

Олигарх вышел за дверь, громко ею хлопнув, я же сидела в той библиотеке до самого утра. Я плакала оттого, что в этом он был прав. Я была тупицей, по сравнению с ним я не знала ни черта.

На следующий день ко мне впервые пришел репетитор по английскому и французскому языкам. Мы стали заниматься. По пять часов в день, и что хуже – мне нравились эти уроки, и я с удовольствием их брала, потому что Я не хотела быть ни в чем хуже ЕГО.

Глава 9

Она была истощена физически и морально диковата. Не отсталая, а именно дикая, не обучена и некультурна. Мои врачи нашли у нее жуткий авитаминоз и гастрит, но в целом зверек был здоров. И вшей у нее не оказалось, хоть и я сомневался в этом до последнего.

Ее волосы были очень длинными и непослушными, создавали ощущение бардака на голове, однако оказалось, что зверушка за ними просто не умела ухаживать, и уже через несколько дней ее пребывания в моем доме она приобрела вид человека, а не огородного чучела.

А еще она была девственницей. Мне это было важно знать. Я не хотел подержанный товар, хоть и сам не собирался ее трахать. Я хотел себе новую игрушку, чтобы ее не касались никакие грязные руки и члены. Я хотел себе зверька, который еще не имел хозяина. Она точно не имела.

В первые дни зверек почти не выходила, но довольно быстро освоилась. Я же наблюдал за ней, потому что там действительно было за чем наблюдать. Игрушка была вечно голодной и не умела вести себя за столом, хватала руками все, до чего только дотягивается.

Я, никогда не знавший голода, впервые видел такое. Дикая обезьянка, пожалуй, наиболее точное сравнение. А еще девчонка плохо читала, по крайней мере, на иностранных языках. Она могла сама с собой говорить, подолгу быть одна и смеяться в голос от прочитанного.

Игрушка росла в городском детдоме, но уровень ее образования оставлял желать лучшего, хотя она и старалась. Лучшие педагоги страны по моему поручению взялись за ее образование. Мой повар следил за ее питанием, а еще ее учили манерам, хоть это было сложнее всего.

– Я не буду! Не буду так сидеть, как робот! Спина уже болит! – она бузила преподавателю этики, но все же схватывала все на лету.

– Я хочу есть руками! Ру-ка-ми! Так же вкуснее, ну правда!

Ее учили. Натаскивали, как щенка, и мне нравилось видеть этот процесс.

Я чувствовала себя душой. Неумехой, никчемной, тупицей какой-то, вот честно. Каждый день помимо учителей языков ко мне приходила одна мадам, которая меня буквально муштровала, как маленького солдата.

“То не ешь”, “так не ходи”, “так не говори”, “так не сиди”, “так не держи вилку в руках”. И мое самое любимое – “леди не матерятся”.

В какой-то степени она мне напоминала Лидию Ивановну, но, конечно, все же была адекватнее ее. Эта леди-мем учила меня заново ходить и говорить, вести себя за столом, быть манерной паинькой, чтобы ЕМУ нравилось. А не мне.

Ей было плевать на меня, я это очень быстро поняла, потому как леди-мем всегда показывала Владлену результаты своей работы, когда я переставала сутулиться за столом и правильно брала в руки нож с вилкой, которую мне очень хотелось воткнуть ей в руку. И ему.

Владлен одобрительно кивал, а я ненавидела его и ее, вместе взятых. Мне никто ничего не пояснял. Рахманов меня дрессировал и муштровал, вот только он не пояснил, зачем все это делал.

Благо он меня не насиловал и не ругал, и за это я уже была ему благодарна. Ну и за еду, конечно, тоже. Так вкусно, регулярно и разнообразно, как в замке олигарха, я никогда в жизни не ела.

– Я не хочу больше эту леди-мем! Она меня бесит!

– Кого?

– Вашу этикетку! Я и так нормальная. Умею говорить, умею ходить и все остальное тоже! А что не знаю, в книгах все прочту! Я хочу быть настоящей, а не сделанной под копирку!

Сегодня первой нарушила гробовую тишину за завтраком. Мы часто ели вместе, и мне это нравилось. Не знаю почему, но присутствие Владлена меня никогда не напрягало.

– Хорошо, – ответил коротко и переключился на какие-то документы, тогда как я что-то не ожидала такого быстрого “хорошо”.

Олигарх согласился со мной впервые, и это была моя маленькая победа. Владлен позволил мне быть самой собой, леди-мем перестала ко мне ходить со своими нравоучениями, однако после в библиотеке пополнились книжные полки.

Там появилась куча книг о здоровье, уходе за собой, книги по психологии, разные советы девочкам и также одна большая книга о сексе, которую я не хотела читать до последнего, но все же прочла залпом за один присест.

Глава 10

Меня никто не заставлял учиться, но Владлен сделал так, чтобы и избежать занятий я не могла. Меня попросту не кормили обедом, пока я все не сделаю по урокам.

Занятия были ежедневными и изнурительными, но никто меня не ругал и не лупил указкой по рукам, как это частенько случалось в детдоме.

Эти преподаватели... они были тактичными, но строгими, давали домашку, проверяли мое чтение, грамматику, письмо, они буквально вливали мне в голову эти чертовы языки. Я учила слова и в какой-то момент начала получать удовольствие, когда взяла книгу на французском с полки и с легкостью смогла прочесть не только ее название, но и текст, понимая его смысл.

Владлен видел мои успехи, но ни разу меня не хвалил. Мы вообще с ним мало разговаривали, но ужинали каждый день вместе. Я всегда такая голодная набрасывалась на еду, тогда как Рахманов откидывался на спинку стула и пристально меня рассматривал. Как зверька.

Я не знаю, почему мне было так важно его одобрение, ведь он не был моим другом или опекуном. Он был... моим владельцем, если так можно выразиться. Меня кормили, одевали, за мной ухаживали, как за принцессой, хоть я все равно чувствовала себя его домашним зверьком. Котенком или, скорее, ручным щенком.

А еще... Олигарх мне одежду и обувь покупал. Вскоре у меня появились свои новые простые, но очень удобные вещи, и я чуть со стула не упала, когда увидела ценник одной из них. Его не успели срезать, обычно вещи мне привозили сложенными и без ценников, а на этой вещи он был.

Производитель – Италия, и сумма с четырьмя ноликами. За какой-то свитер! Обычный свитер! Кашемировый... Тряпочка же простая, правда, она была очень мягкой и не раздражала мне вечно краснеющую кожу, как это делали мои детдомовские заношенные вещи, но все равно. Мне это было странно, баснословно дорого и как-то даже ненормально.

Почему олигарх тратил на меня столько денег, я, честно говоря, не понимала. Мне казалось, что я отнимаю чье-то место и здесь должна быть совсем другая девочка, а я так... попала случайно хищнику. И главное, я до сих пор не знала, зачем я ему нужна.

– Я больше не хочу учиться!

Я пришла к нему сама. Снова. Владлен ужинал в одиночестве. Он никогда меня не звал, я сама приходила, потому что в этом доме было ужасно тоскливо.

Не спасали даже тетя Наташа на кухне или водитель дядя Женя, приносящий продукты. Я все еще не могла привыкнуть к таким условиям, и мне банально нужен был человек, чтобы не сойти здесь с ума. Гулять мне не разрешалось за пределы ворот, только по территории, и от этого я уже просто лезла на стенку от ощущения самой настоящей тюрьмы.

– Причина?

Владлен намазал черную икру на тост и отправил в рот, запил темно-красным вином. В моем стакане был апельсиновый или яблочный сок. Всегда. Ни разу мне не подавали алкоголя.

– Я устала и выучила уже этот ваш английский и французский! Могу читать, могу говорить. Я не хочу больше уроков!

Я чутьочку лукавила, потому что плохо еще говорила, но зубрить эти слова изо дня в день меня просто достало.

– Parlez-moi de vos préférences alimentaires. Qu'aimez-vous? Quel est le degré de préparation de la viande?

(Расскажи о своих предпочтениях в еде. Что тебе нравится? Какова степень прожарки мяса? франц.)

Владлен сказал это совершенно без акцента и запинки, а после отложил вилку и прямо посмотрел на меня. Я почувствовала, как краснеют щеки, потому что совсем не поняла второй части вопроса.

– Э-э... повторите.

– Ты будешь учиться дальше.

– Почему? Я же сказала, что больше не хочу!

– Потому что мне не нужна тупая игрушка.

– Я не игрушка! Хватит меня наряжать, как куклу, хватит учить меня этим языкам, мне это неинтересно!

– А что тебе интересно?

Прищурился, снова смотрит как на зверька. Изучающе. Этот олигарх со мной играет, и то, что я сейчас уже наверняка вся красная и взъерошенная от нервов, его ничуть не трогает.

– Ничего! Я больше не хочу быть здесь! Я сижу тут как в золотой клетке!

– Ты понятия не имеешь, что такое клетка.

– А вы имеете?! Что вообще вы обо мне знаете? Ничего! Вы у меня ничего не спрашиваете, вы все решаете за меня, даже то, что я буду пить сегодня этот апельсиновый сок, а не вино!

– Ты хочешь вина?

Чуть наклонил голову, а я засмотрелась, потому что в этот момент Владлен был очень красивым. Его синие глаза бликовали в свете огня от камина, который с холодами все чаще разжигали в гостиной.

– Да! Хочу!

Вскакиваю со стула, подхожу к олигарху, хватаю его бокал с бордовой жидкостью и выпиваю до дна, сильно откашливаясь.

Я никогда не пила вино. Только пиво пробовала, и теперь оно обжигает мое горло, мгновенно ударяет в голову и приятно разливается по груди.

– Нравится?

Владлен откидывается на большом стуле, прищуривается.

– Да! Дайте-ка сюда!

Я набираю побольше воздуха, хватаю бутылку вина и пью прямо с горлышка. Несколько больших глотков, пока олигарх сканирует меня пристальным взглядом.

Ему нравятся мои эмоции. Владлен ловит от этого какой-то определенный кайф, однако высказать все это у меня не получается, потому как меня очень быстро и сильно начинает тошнить.

Я ставлю бутылку на стол и едва добегаю до туалета, где уже через минуту сижу на полу с очищенным желудком и слезами на глазах.

– Еще вина, зверек?

Олигарх останавливается у порога с бутылкой вина в руках, и я вижу бесят в его синих пронзительных глазах.

Владлен прекрасно знал, что со мной будет, и не остановил меня. Он снова со мной играл. И это ему доставило удовольствие.

Глава 11

Сегодня особый день, ведь Владлен впервые берет меня с собой на прогулку. Как собачку, за компанию, как зверька, но я так рада этому знаку внимания, что с радостью соглашаюсь.

Мне скучно в замке, я только и делаю там, что учусь, потому хоть какую-то возможность развеяться хватаю обеими руками. Ну и еще... я хочу побыть с ним. Ощутить себя ближе к Владлену, почувствовать себя равной ему, хоть это и нереально.

Я думаю, олигарх повезет меня в какое-то пафосное заведение, клуб – или где там еще развлекаются богачи, но Владлен везет меня за город. Машина с водителем припарковывается у обочины уже хорошо заснеженного поля, и дальше мы просто идем пешком по землистой мерзлой тропе. Без слов идем, молча, хотя мне кажется, даже эта тишина больше рассказывает о нем, чем любые слова мира.

Я замечаю, что Владлен сегодня по-особому молчалив, и я не знаю почему. Он почти не говорит, но в то же время берет меня с собой. Значит, я ему не мешаю. Он вообще часто находится со мной, а точнее, я с ним. Как игрушка, развлекаю его долгими вечерами, как зверек, которого завели, чтобы хозяину не было скучно.

Я рядом с ним каждый день, когда Владлен читает газету или пьет кофе, когда курит, я где-то рядом делаю уроки или что-то мастерю из бумаги. Оригами. Обожаю это дело и частенько что-то складываю, придумывая новые фигурки.

Владлен сейчас одет в строгое коричневое пальто и костюм. Он без шапки в такой мороз, тогда как я иду, закутанная в шарф и шапку, в теплом меховом полушубке. Это тоже вещи от него. У меня все от него, и порой кажется, что моя жизнь тоже.

Владлен сложил руки в карманы и смотрит вперед, широко шагая, тогда как я практически бегу, чтобы успевать за ним.

– Вам нравятся грозы или солнце?

Дурацкий вопрос, прикусываю губу.

– Почему спрашиваешь?

– У вас глаза такие синие, цвета грозового неба. Так что нравится?

Почему-то напрягается живот. Неловко и глупо. Владлен так смотрит на меня своими омутами. Сапфировые глаза у него какие-то, особенно сейчас, при свете дня.

– Грозы, – коротко и холодно. Сощурился, вижу, как сжал челюсти, коротко поправил пальто. Мы уже довольно далеко от машины отошли, но, похоже, назад еще рано. Кутаюсь в полушубок сильнее. Мерзкий холодок пробирается под кожу. Надеюсь, олигарх меня сюда не закапывать привез. На воздух.

Усмехаюсь сама себе, но дрожи в теле не выдаю. Высоко задираю голову, придаю голосу уверенности:

– Что это за место?

– Земли моего отца.

– В этот день что-то плохое случилось? Потому мы здесь?

– Да, – цедит сквозь зубы, ускоряет шаг, а я за ним бегу, едва успеваю.

– Что именно?

– Умерла моя мать.

Сглатываю, обходя лужу, покрытую льдом. Я не знаю, что сказать даже, потому что свою маму вообще не помню, отца тоже. Для меня они просто образ, ничего кроме, но я знаю, что хорошие родители – это дар. Это защита и счастье для ребенка. Наверное, Владлен тоже любил свою мать, раз помнит день ее смерти.

– Мне жаль. Вы ее любили?

Подхожу к Владлену, хочу коснуться его руки, но он резко отдергивает ее. Так... словно ему стало противно. Словно он побрезговал этим прикосновением своей детдомовской игрушки.

– Не стоит.

Бросает на меня колкий долгий взгляд, а я чувствую, как буквально покрываюсь этой коркой стыда. Дура, зачем я его захотела коснуться? Ощутить тепло его кожи и вдохнуть ближе запах Владлена. Такого высокого против меня, крепкого, статного, недостижимого. Ему ничего из этого не нужно. Он даже не смотрит на меня толком. Так, мельком только, как на щенка на прогулке, просто чтобы из виду не потерять.

Идем дальше. От мороза все похрустывает под ногами, и, недолго думая, я наклоняюсь, хватаю ладонями снег, леплю снежок и бросаю его в идущего впереди Владлена. Надоело мне идти, как истуканы. Ни слова из него не вытащишь.

Попадаю ему в плечо, снег вперемешку с землей пачкает явно дорожное пальто, и олигарх останавливается, поворачивается ко мне.

О, это надо видеть, потому что Владлен этого явно не ожидал.

– Что ты творишь?!

– Снежки. Игра... Вы что, ни разу не играли? Бросайте в ответ!

– Зачем?

Присматривается ко мне, сдвигает брови, а я глаза закатываю, поправляя шапку.

– Боже, ну и скукота! Бросайте в ответ, хотя бы разочек! Это круто, поверьте, вам понравится!

Хочу его расшевелить, и, кажется, это работает. Владлен смотрит на меня секунду, а после наклоняется, сгребает снег двумя руками и формирует снежок. Только не такой маленький, как я. Рахманов лепит большой тугой шар, который после со всей дури бросает в меня.

Я не успеваю увернуться, и этот снежный огромный ком попадает мне прямо в голову, буквально сбивая меня с ног.

– Мелкая!

Я лежу на земле, снег забивается в нос и рот, попал в глаза, на ресницы.

Щиплет глаза, но я не жалею, ведь прямо сейчас Владлен очень быстро подошел и наклонился ко мне, и теперь я смогу вблизи увидеть его красивые синие глаза. В них плещется волнение, либо же мне показалось?

Хм, кажется, показалось, потому как через секунду взгляд олигарха снова становится привычно холодным. Как лед.

– Живая?

– Ага.

Страхивает крупной ладонью снег с моего лица, а я кайфую его от прикосновения и хочу еще, еще рук Владлена на себе.

Странно. Что это такое... У меня каждая клеточка трепещет, когда Владлен рядом, и не только от страха. У меня такого никогда ни с кем не было. Мне почему-то очень хочется, чтобы Владлен меня касался, но, словно прочитав мои мысли, Рахманов резко убирает от меня руку и поднимается, берет меня за рукав и одним махом отрывает от земли.

– Идиотская игра.

– А мне нравится.

Пожимаю плечами, пытаюсь пошевелить окоченевшими от мороза пальцами. У меня всегда мерзнут ладони, но попросить Владлена о перчатках было стыдно. Так пошла, а теперь даже не чувствую пальцев, их покалывает от мороза, и кожа покраснела на ветру. Жуть просто.

– Замерзла?

Внезапно Владлен за руки меня берет, ладонями своими большими согревает, а я стою и хочу, чтобы этот момент не кончился. Он не делает больно, он... дает мне тепло, отогревая

мои ледышки. Невольно запах его вдыхаю. Приятный... такой прохладно-терпкий, его хочется попробовать на вкус.

Владлен сейчас кажется мне очень близким и заботливым и совсем... не моим хозяином, как в замке.

– У меня всегда мерзнут руки... – бубню тихонько, пока олигарх растирает мне ладони и согревает их, после чего быстро отпускает, а я все еще чувствую его тепло.

Незаметно для Рахманова подношу свою ладонь к носу, вдыхаю запах. На коже остался “отпечаток” парфюма Владлена. Его первый автограф на мне.

Мы гуляем еще несколько минут по извилистой тропе, пока не доходим до обрыва и высокого моста. Он простирается над рекой двадцать или двадцать пять метров. Огромный, высоченный, широкий.

Владлен останавливается по центру моста и опирается о перила. Смотрит вдаль, а я смотрю на его строгий профиль.

– Что это за место? Выглядит жутко. Как из ужастика какого-то.

– Это мост самоубийц. С него прыгают те, кто больше не хочет жить.

Усмехаюсь нервно, хоть по коже бегут мурашки от его тона. Да и сам Владлен выглядит мрачно. Осторожно наклоняюсь, вглядываясь вниз. Под коркой льда вода плещется, но я вижу прекрасно “хребет” острых камней, выглядывающих оттуда.

– Как можно не хотеть жить? Все хотят жить.

– Те, кто потерял надежду, жить не хотят.

– А у вас... есть надежда? – спрашиваю осторожно. Мне почему-то важно это знать.

Владлен поворачивается ко мне, коротко кивает:

– Есть.

– Нужно ценить, что имеешь, и делать то, что хочется сейчас. Так Надежда Львовна всегда говорила, наш старый воспитатель.

– А чего тебе хочется сейчас?

Владлен поворачивается ко мне, и я отвечаю честно, так, как чувствую:

– Сейчас мне очень хочется, чтобы вы поцеловали меня.

Глава 12

Сердце стучит, как маленький звоночек. Боже, я сказала это вслух и с ужасом теперь смотрю на его реакцию. Владлен сканирует меня взглядом, я все жду, когда он засмеется, но он просто смотрит, а после подносит руку и гладит меня по щеке. Коротко, только костяшкой ладони, нежно и строго одновременно.

Я же вздрагиваю, не знаю, как реагировать. Растерялась вся, но точно хочу, чтобы Владлен меня поцеловал. Даже на этом морозе, на этом страшном мосту самоубийц. Хочу, и все! Хочу, чтобы его губы коснулись моих. Я хочу понять, каково это с ним, а после замираю, когда Владлен убирает свою руку, делает шаг ко мне, наклоняется и... не касается меня. Совсем!

Олигарх застывает в паре сантиметров. Не целует, он словно... словно вдыхает мой запах, а я все жду, жду этого поцелуя, но его нет.

Владлен выпрямляется, быстро поправляет мою чуть съехавшую шапку и убирает руки в карманы.

Не поцеловал. Не захотел, а я идиотка, что вот так просто сказала это! Попросила сама... Он же не хотел. Ясное дело, что он не хотел меня целовать. Зачем я это сказала?! Да еще и кому – тому, кто держит меня у себя как домашнего зверька. Дура!

– Идем в машину.

От досады хочется плакать, но я лишь коротко киваю, понимая, что целовать игрушку не положено. Каким бы расстроенным сейчас ни был Владлен, он никогда не опустится до моего уровня. До уровня зверька блохастого или как там его... Ах да, чучело!

Всю дорогу до замка едем молча. Я как можно дальше отодвигаюсь от сидящего рядом со мной Владлена и больше не прошу его поцеловать себя. Мне очень стыдно и обидно. Конечно, куда мне до таких, как макаке до неба...

Владлен, наверное, принцесс только привык целовать, а не девочек бесхозных. И пусть сейчас на мне красивые дорогие вещи, внутри я как была детдомовской оборванкой, так ею и осталась.

Порой мне кажется, что это у меня в крови, сколько бы книг я ни прочла и сколько бы правил этикета ни выучила. Владлен все равно смотрит на меня как на букашку, не стоящую даже поцелуя.

Это было двадцать девятое декабря, и я никогда в жизни не видела такой елки. ЕЛКИ! Она была под три метра высотой, такая пушистая и красивая, яркая голубая ель. Ее занесли несколько работников и установили по центру гостиной у камина. Следом внесли какие-то коробки, и, когда я заглянула в них, перед глазами все замелькало от яркости и бликов.

Игрушки... Прекрасные разноцветные елочные игрушки, и не обычные бумажные или сшитые из ткани. Это были явно дорожные стеклянные фигурки самых разных видов и окрасов! Снежинки, балерины, шишки, разные шарики и огромная цветная гирлянда.

Когда ель загорелась, я смотрела на нее с замиранием сердца, потому что никогда не видела раньше такой красоты, а потом вошел Рахманов. Я не заметила его, и он увидел, как я скачу вокруг этой ели, стараясь рассмотреть каждую безделушку поближе, и танцую с некоторыми игрушками в обнимку.

– Нравится?

– Ой-й...

Быстро перестаю танцевать. Кладу игрушку обратно. Чувствую, как начинают гореть щеки. Я думала, что здесь одна, и танцевала... ну, как умею, в общем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.